

Эмелайн была одета не в платье, а в форму Кристального рыцарского ордена. Она шла с развевающимся плащом, а ее длинные волосы были собраны сзади в высокий хвост, придавая ей вид благородного рыцаря в мужском наряде.

Эмелайн подошла ближе к Альфонсо и сказала:

- Мы конфисковали почту, адресованную Эмилиии Виола Диламин из Гарнеро.
- И что там было?
- Посылка от её дедушки из Гарнеро содержала книгу по магии. Очень древнюю и, возможно, представляющую археологическую ценность, но в то же время это очень зловещая запретная книга.
- Нет, прекрати! Ты захватчица! Верни мою книгу и Империю!

Эмилия закричала и попыталась наброситься на Эмелайн. Однако Альфонсо быстро схватил ее за руки и не дал ей этого сделать.

- Эмилия, твой разум тоже испорчен магией.
- Замолчи! Если бы ты не украла печать, как воровка, этого бы не случилось!
- Ты забыла, Эмилия? Настоящая воровка здесь ты.

Когда я сказала это, Эмилия вдруг замолкла. Её голубые глаза внезапно повернулись к Максиму, как будто она только что вспомнила о его существовании.

Максим смотрел на Эмилию в полном шоке, совершенно не понимая, что происходит. Я обратилась к нему, чувствуя, что уже давно не говорила с ним по-настоящему:

- Ваше высочество. Эмилия — потомок императора древней империи, уничтоженной основателем королевства Эдельрихт. Семья её мачехи из Гарнеро на протяжении веков хранила традиции магии.

- Что... Эм...?

Максим дрожал, глядя на Эмилию, как бы спрашивая её об этом. Но Эмилия, осознав своё поражение, едва заметно нахмурилась, закрыла глаза и больше не смотрела на него. Она опустила голову, оставаясь скованной Альфонсо.

- Эмилия...?

Эмелейн обратилась к растерянному Максиму:

- Магия подобна наркотикам. В конце концов, она разрушит тебя. Глупый брат, ты выбрал путь самоуничтожения.

Максим, ты больше никогда не сможешь называться "принцем". После заявления принцессы Максим рухнул на землю, и спустя некоторое время поднял глаза на меня.

- По-пожалуйста, спаси меня, Мари. Я ошибался. Давай начнём всё сначала. Ты ведь любила меня?

Да, любила.

Максим, похоже, принял моё молчание за знак одобрения и быстро заговорил:

- Я тоже любил тебя, Мари. Нет, я любил тебя всем сердцем! Смотри, разве это не здорово?

Давай поженимся! Это будет правильно. Начнём всё сначала, поэтому...

- Максим, вы говорите, что любили меня?

Я не могла сдержаться и задала вопрос. Ведь тогда, когда мы встретились у чайного дома, маршал спросил Максима об этом, и он не знал, что ответить.

Я видела это своими глазами.

- Ваше высочество, перестаньте унижаться.

Маршал встал передо мной, заслоня меня от Максима. Но Максим, вскипев от злости, с искажённым лицом закричал:

- Герцог принуждает Мари выйти за него замуж! Причём силой! Но Мари любит меня!

- Ваше высочество, что вы несёте? Вы, правда, неисправимый дурак.

Когда я это произнесла, Максим уставился на меня с открытым ртом, как будто не верил своим ушам.

- Ваше высочество, та любовь давно закончилась. Теперь я люблю маршала.

Маршал, стоявший передо мной, обернулся и взял меня за руку. Его ладонь была большой и тёплой, и это наполнило моё сердце покоем.

В этот момент Эмелейн подошла к Эмили, которая всё ещё была в оковах, и объявила:

– Эмилия Виола Диламин, вы арестованы по обвинению в контрабанде запретных книг и двукратном использовании магии.

Альфонсо поддержал рухнувшую Эмилию и, волоча, повёл к карете. Отец закрыл лицо руками и начал всхлипывать, но я не отводила глаз. Казалось, что наблюдать, как сестру уводят в тюрьму – мой долг, как человека, который всё это затеял.

Когда Эмилию посадили в карету Королевской гвардии, одна из её туфель соскользнула с ноги и осталась лежать на земле.

Карета быстро тронулась, никто не поднял её туфлю.

Когда карета выехала за ворота и скрылась из виду, я подошла к отцу. Он сидел на траве в саду, не в состоянии подняться.

Я заговорила с ним:

– Отец, пойдём внутрь. Теперь Эмилия в руках инквизиторов.

Хотя нам следовало бы сразу заняться оценкой ущерба и достойно похоронить мачеху, похороненную в могиле для попугая, я понимала, что сейчас это слишком для отца.

Маршал какое-то время ждал меня, но я не могла оставить отца в таком состоянии. Он тоже это понял и, будучи обязан организовать отступление своих солдат, вскоре покинул усадьбу.

Отец поднял голову и посмотрел на меня слабыми глазами.

– Что это всё было...?

– Отец. Мы все, все, кто жил в этом доме, были просто марионетками, которыми управляла Эмилия.

Отец какое-то время молча смотрел на меня, а затем сказал:

- Мари, где твои очки?

- Моё зрение улучшилось. Я их не теряла, но больше они мне не нужны.

- Похоже, это мне нужны были очки. Я ничего не видел.

Я присела рядом с отцом и начала гладить его по спине. Его спина оказалась тоньше и слабее, чем я себе представляла.

- Отец. Мы всегда можем начать всё заново. Мы ведь семья.

Мы с отцом ещё некоторое время сидели на траве в саду, глядя на туфлю, которую оставила Эмилия, и затем вернулись в дом, так и не подняв её.

Туфлю подобрала бабушка, вернувшаяся домой вечером. Она была так потрясена видом разрушенного дома, что, не заметив туфлю, споткнулась о неё и упала.

Когда бабушка узнала обо всём, что произошло, она вскоре потеряла сознание.

Так начались наши бурные дни.

В особняке было полно дел, связанных с устранением последствий, которые требовали нашего немедленного внимания.

Вскоре поступило уведомление о том, что маршала больше не рассматривают в качестве кандидата на пост губернатора острова Горо. Причиной этого стало заключение брачного соглашения между домом виконта и домом герцога.

Но это не единственная причина.

Его заслуга в обнаружении печати древней империи, которую искали с момента основания королевства Эдельрихт, была признана важным достижением.

Тетя, узнав, что со мной всё в порядке, ворвалась в дом виконта и швырнула отцу толстую пачку документов. Это были документы, необходимые для оформления меня в качестве приёмной дочери дома графа Россо.

Она была в ярости, узнав, что Эмилия превратила меня в кошку, и яростно упрекала отца. Несмотря на слёзы и волнение, из-за которых она не могла связно излагать свои мысли, её гнев был понятен отцу.

Отец извинялся перед тётей, но она ещё больше разозлилась, велев ему извиняться передо мной. Её слова напомнили мне, что, если бы маршал не спас меня, я бы, возможно, повторила судьбу своей мачехи. Моё сердце наполнилось глубокой благодарностью к нему.

В итоге я так и не стала приёмной дочерью дома Россо.

Вместо этого я обняла тётю, как когда мне было пять лет.

Так я осталась в доме виконта.

Эмилию заключили под стражу, и, вероятно, она никогда больше не вернётся в этот дом. Отец не навещал её, но мы продолжали передавать ей посылки через знакомых. Я считаю, что это наш долг как семьи, и полностью разрывать последние связи с ней не принесло бы пользы никому.

Наказание коснулось и отца: его освободили от должности дипломата, а значительная часть его земель была конфискована. Теперь ему придется сосредоточиться на управлении оставшимися владениями, и я, как наследница, тоже заинтересована в том, чтобы он справился с этой задачей и больше не терял наши земли.